

ЦАРЬ ИРОД БОИТСЯ КАРЛСОНА

Сын Полищук когда-то был грузчиком

Моск. кансаманс - 2001 - 18 дек. - с. 3.

— Помнишь свой первый поход в театр?

— Это случилось, когда мне было четыре года. Вместе с мамой мы пошли в Театр сатиры на спектакль "Малыш и Карлсон". А запомнилось мне это, потому что где-то посреди второго акта мне жутко захотелось в туалет. Как назло, мы сидели ровно посередине, и выйти из зрительного зала не могли. Тогда мама начала искать выход из этой чрезвычайной ситуации. Выход нашлся... в виде целлофанового пакета. Все было сделано настолько конспиративно, что даже никто не повернул голову.

— Наверное, после этого ты сразу заболел искусством?

— Совсем наоборот. Тогда я жутко испугался Карлсона — Спартака Мишулина — и орал как резаный. Человек с животом и пропеллером внушал мне панический ужас. Только годам к шестнадцати я начал задумываться о том, что хочу работать в театре. Перед этим практически восемь лет я просидел на откидном стуле в театре "Эрмитаж", где работала мама, знал наизусть все спектакли и восторженно наблюдал за режиссером Михаилом Левитиным. Меня настолько захватывало все происходящее, что я решил: если всю жизнь вариться во вдохновении режиссера, творческих ссорах, премьерных цветах, праздник будет продолжаться всю жизнь.

— Эти радужные настроения оправдались?

— Наполовину. Я понял, что это труд, причем тяжелый. Порой у некоторых едет крыша на этой почве. Покойный Исаев, ректор ГИТИСа, как-то принимал у меня экзамен по философии. Мне достался билет про Ницше, про которого мы поговорили минут пять и сползли на актерское ремесло. Тогда он меня спросил: "Ты

не считаешь себя сумасшедшим? Если нет, то ты изначально не прав, потому что все актеры профессионально подвержены раздвоению личности, что является одним из разделов психологии".

— Помогли ли тебе родственные связи при поступлении?

— Нет, потому что с первого раза я не прошел конкурс ни в "Шуку", ни в "Щепку", ни в заветный ГИТИС. За год я сменил три профессии: пожарника, распространителя билетов и даже грузчика на овощной базе, а потом поступил в ГИТИС на курс к Павлу Хомскому, худруку Театра им. Моссовета.

— Я слышала, что при посвящении в студенты ты совершил какой-то безумный поступок?

— Молодой был, глупый, взял и зачем-то откусил кусок стакана и съел его. Это был обычный инфантильный выпендрей, ведь тогда я считал, что актеру нужно совершать что-то экстраординарное.

— Ты больше не играешь в "Милом друге", что произошло?

— Дело в том, что недавно я уволился из Театра им. Моссовета и из штатных артистов перешел в разряд договорных. Это была моя личная инициатива, потому что мне понадобилось больше свободного времени от театра, чтобы заниматься кино и другими проектами. Сейчас я оставил за собой три спектакля.

— Не жалко расставаться с ролью?

— Мне все время хочется идти вперед. Скудно играть один и тот же образ на протяжении пяти лет, но в театре от этого никуда не деться. Единственный спектакль, который мне в кайф, хотя я работаю на нем уже восемь лет, "Иисус Христос — суперзвезда", где я играю царя Ирода.

— Ты поешь в "Иисусе", "Игре", а владеешь ли каким-нибудь инструментом?

— Умею брэнчать на гитаре. Лет в 13, когда я отдыхал в пионерском лагере, один мой друг научил меня зажимать блатные аккорды: ля, соль, ре и ми. Потом мне показали, что такое баррэ и как перебирать гамму. Еще я могу создать видимость, что играю на пианино. Правда, мое умение истощается на паре бравурных аккордов. Что касается пения, по большому счету я не поющий человек. Мне кажется, что у меня довольно противный тембр и мой голос не всегда повинуется внутреннему слуху. Просто за восемь лет пения в "Иисусе" я, как говорится, наловчился.

— В картине "Чек" тебе пришлось много стрелять и драться. Ты когда-нибудь дрался на улице?

— Для того чтобы ударить человека, мне нужно, чтобы у меня рухнула планка, поэтому я всегда стараюсь подобную ситуацию давить в корне. Ведь от моего удара последствия могут быть весьма плачевными — я вешу сто килограмм. Я могу громко орать и выпучивать глаза, но не драться.

— Насколько я понимаю, у тебя плохое зрение. Мешает это работе?

— Нет, но один раз был неприятный момент, на съемках "Ворошиловского стрелка". От света прожекторов мои глаза, в которые я накануне вставил контактные линзы, приобрели бордовую окраску. Линзы пришлось быстро ликвидировать и в дальнейшем обходиться без них. Многие почему-то думают, что я ношу очки из-за пихонства, но это действительно вынужденная мера.

— Ты вообще амбициозный человек?

— Плох тот актер, который не страдает амбициями и тщеславием. Эти качества неотделимы от актерской профессии, мы этим живем. Нам хочется нравиться людям, купаться в овациях, иначе нет смысла этим заниматься. У меня есть знакомые актеры, которые играют два спектакля в месяц по многу лет, и их это устраивает. А я ненавижу сидеть на диване. Меня хватает только на сутки ничего неделания, потом мне надо бежать и обязательно чем-то заниматься.

Катя САХАРОВА.

Макаров Алексей

18.12.01

Алексей Макаров, сын известной актрисы Любови Полищук, — один из тех, кто опровергает известную поговорку, что на детях талантливых родителей природа отдыхает. Вот уже девять лет Макаров трудится в Театре им. Моссовета, снимается в кино. Хотя поклонники вниманием актера не обделяют, манией величия он не страдает и считает "звездануться" тяжелой болезнью, от которой нет лекарств.

Из досье "МК": Алексей Макаров, актер Театра им. Моссовета. Занят в спектаклях: "Венецианский купец", "Игра", "Иисус Христос — суперзвезда". Снимался в картинах: "Ворошиловский стрелок", "Чек", "Ростов-папа, или Южный Декамерон".

39